

МОИ собеседники живут в одном из старых парижских кварталов, между улицами Сены и Мазарини.

Вдали, в легком тумане, вырисовывается купол Французской Академии. Слева — улица Висконти, в одном из домов которой два с половиной века назад скончался Расин, где жила знаменитая артистка Адриенна Лекуврер, и на которой Бальзак основал типографию, опустившую его долгами на всю жизнь.

По широком ступеням лестницы старинного дома поднимаюсь на четвертый этаж. Дверь открывает Наталья Сергеевна Гончарова. Комнаты завалены большими картонными папками с рисунками. У одного только М. Ф. Ларионова их около трех тысяч. Если содержимое этих папок разложить лист к листу, то они покроют площадь Конкорд.

Вечерние сумерки окутывают полумраком комнату, горы папок, камин с зеркалом. В печке потрескивают дрова.

С кровати встает хозяин квартиры, М. Ф. Ларионов. Около года назад, после болезни, у него ослабела правая рука. Теперь он научился рисовать и писать левой. Я приношу извинения за свой визит.

Михаил Федорович родился в Тирасполе 22 мая 1881 года; эту дату, он сам вытатуировал на левой руке, под морским якорем. Его отец был военным врачом Тираспольской крепости. С назначением отца в Москву, Ларионов поступил в реальное училище Воскресенского. Начал рисовать еще будучи учеником. 14-ти лет поступил в Школу Живописи и Ваяния. Это было трудно: на 30 вакансий конкурсные экзамены держали 160 кандидатов. Его профессорами были Серов, Левитан и Коровин. В 1902 г. экзаменационную выставку учеников Школы посетил К. Маковский, командированный Академией Худо-

Русские художники в Париже

У М. Ф. Ларионова

жеств; молодой Ларионов выставил тогда 260 эскизов, заполнив почти весь актовый зал. Тенденции молодого художника не совпадали со строгой «академической линией»: в его рисунках нашли «импрессионизм». Постановлением совета профессоров Школы студенты А. Фонвизин и М. Ларионов были исключены на год.

М. Ф. уехал в родной Тирасполь, где с жаром отдался живописи. Там появились его первые полотна, обратившие на молодого художника всеобщее внимание: «Розовый куст», «Верхушки акаций» и «Рыбы под заходящим солнцем» (последняя картина была написана в рыбацьем порту в Одессе). Эти картины воспроизведены в монументальном труде: «Материалы по русскому искусству». Хранитель Русского Государственного Музея в Ленинграде, Н. Пунин, писал о художнике в 1928 году: «Ларионов был и навсегда останется реалистом; непосредственное живое восприятие есть основа его дарования, которая не покидала его никогда».

Вернувшись в Школу, М. Ф. скоро подвергся новой «опале» и был исключен вторично. Профессора Пастернак и Архипов заступились за молодого новатора. На школьную выставку М. Ф. представил 8 тщательно отобранных работ; за три картины он получил серебряную медаль, которая давала ему право на чин 14-го класса и на отбывание воинской повинности в качестве вольноопределяющегося 1-го разряда. Прослужив около года в 1-ом лейб-гренадерском Ека-теринославском полку, расквартированном в Кремле и, обогатив полковой музей батальной картиной, М. Ф. уехал во Францию. В Пари-

же судьба свела его с С. П. Дягилевым, и эта связь не прерывалась до самой смерти последнего, в 1929 году.

Ларионов прошел через ряд творческих этапов: сначала рисовал, главным образом, с натуры; затем начал увлекаться импрессионизмом, трактуя всякие сюжеты и совершенствуя художественную технику; позже произошел некий синтез манер импрессионизма, создание «лучизма» (абстрактная живопись, которой было суждено проделать долгий путь и на Западе). В дальнейшем художник изображал провинциальную жизнь: франтов и франтих, вывески русского захолустья, парикмахеров. Большую роль играло воображение. Для самого себя он нарисовал «воображаемое путешествие в Турцию». В 1907 году М. Ф. на самом деле побывал на Ближнем Востоке, и пришел к выводу, что воображаемое путешествие было много лучше и поэтичнее настоящего.

В период 1909-10 гг. он устроил 4 выставки в Москве, на которых были помещены полотна молодых художников: «Бубновый валет» (начало русского кубизма), «Мишень», «Выставка Ослиного Хвоста» (это чисто-монмартрское название сильно шокировало профессоров Школы Живописи) и «Номер 4»: на последней были показаны анонимные полотна. М. Ф. иллюстрировал для сборников молодых поэтов — Маяковского, Хлебникова и Крученых. С 1912 года М. Ф. начинает интересоваться театром и

балетом. В этом-же году он впервые выставил в лондонской «Крафтон Галлери» свои полотна вместе с Сезанном, Матиссом, Дерэн, Пикассо и Боннаром. В 1914 году, в Париже, в галлерее Поля Гийома, Н. С. и М. Ф. устроили свою собственную выставку, привлекающую внимание французских художественных кругов. Прославленный Гийом Аполлинэр тепло отметил в специальной статье «районизм» Ларионова и новые элементы в декоративном творчестве Гончаровой.

Первая мировая война захватила молодую чету на острове Олерон, где они наслаждались летним отдыхом. Как прапорщик запаса, М. Ф. подлежал призыву по мобилизации. Тогдашние правила разрешали ему оставаться за границей еще в течение одного года, но М. Ф. решил немедленно вернуться в Россию. Через Италию, Грецию и Турцию, Н. С. и М. Ф. возвратились в Одессу. Через короткое время Турция объявила войну России, и Дарданеллы оказались надолго закрытыми. Во время русского наступления в Восточной Пруссии М. Ф. был ранен, эвакуирован в Ковно, затем — в Москву. После осмотра, ему разрешили выезд за границу, куда его усиленно звал Дягилев.

В 1918 году М. Ф. и Н. С. выставляли свои работы в галлерее Соваж, и в том-же году уехали к Дягилеву в Уши, под Лозанной, затем побывали в Риме и в Испании. М. Ф. показывает мне сделанный им карандашный портрет Дягилева, любившего работать по утрам в постели.

М. Ф. выставлял свои полотна в «Осеннем Салоне», у «Независимых», в Тюльерийском Салоне, в

Риме, Вене, Дрездене и в берлинских галлереех: «Дер Штурм» и «Герпст-Салон». Совместно с Н. С. он выставлялся в галлерее Барбанна на улице Сент-Онорэ, и, перед самой войной 1939 года, у Кадрана.

Около 10-ти полотен М. Ф. находятся в Третьяковской Галлерее; ряд других картин — в Государственном Русском Музее в Ленинграде, в картинных галлереех Киева, Харькова, Одессы, Горького, Воронежа, Вятки, Тирасполя и у частных лиц; за границей — в «Альберт-энд-Виктория Музеум» в Лондоне, в «Модерн-Ар-Музеум» в Нью-Йорке, в Чикаго, в Италии, Испании и Швейцарии. Часть картин М. Ф. приобретена французским правительством. Лучшие его вещи остаются дома.

М. Ф. много работал над иллюстрациями к пушкинским произведениям: «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», к гоголевскому «Портрету» и к «Двенадцати» Блока. Часть из этих иллюстраций остается неизданной до сих пор. Н. С. показывает ряд работ М. Ф.: в прозрачном стеклянном кувшине — ветка вербы с белыми барашками; девушка в саду на фоне зелени; белая роза в хрустальном бокале; многочисленные натюр-морт.

М. Ф. интересуется современной живописью в России: он отдает должное тонкой кисти Бродского, ученика Ильи Репина, портретной живописи Герасимова. Время от времени ему присылают из России ученые труды и монографии о живописи. Участники «Выставки Тринадцати» в Москве прислали ему ласковое письмо: «Ваши вещи нас интересуют».

Мой визит затянулся гораздо дольше, чем я предполагал. Н. С. провожает меня до двери, из-под которой тонкой струйкой тянет февральский холодок.

В. Антонов

РН. 80252